

БИРОНОВЩИНА

(Эпоха АННЫ ИОАННОВНЫ)

290 лет назад, 28 апреля (ст. ст.) 1730 г., в Успенском соборе Московского кремля состоялась необычайно пышная коронация новой императрицы – Анны Иоанновны, герцогини Курляндской, дочери Ивана V, племянницы Петра I.

В 1710 г. она была выдана своим дядей за герцога Курляндского, который, будучи невоздержанным в употреблении спиртного, умер через 2,5 месяца после венчания, так и не успев выехать с молодой женой из Петербурга домой.

20-летняя более чем скромная жизнь вдовы в захолустной Митаве (ныне Елгава в Латвии) окончилась в 1730 г.

после смерти юного царя Петра II. Верховный тайный совет (совещательный орган из 6 – 8 человек, созданный в 1726 г. вдовой Петра I Екатериной I для решения важнейших государственных вопросов) постановил пригласить на престол Анну, выдвинув ей ряд условий, которые ограничивали власть монарха и увеличивали власть «верховников». Эти условия, названные «кондициями», Анна приняла, но они вызвали взрыв возмущения не только у остальной знати, но и у служилого дворянства. Вскоре по прибытии Анны в Москву, они подали ей челобитную с требованием ликвидации Совета и восстановления самодержавия. Увидев, что «верховники» не имеют поддержки, Анна разорвала подписанные ею «кондиции», вскоре ликвидировала Совет, а спустя время отправила авторов «кондиций» – кого в ссылку, а кого на плаху.

«Императрица Анна... толста, смугловата, и лицо у неё более мужское, нежели женское. В обхождении она приятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедра до расточительности, любит пышность до чрезмерности, отчего двор её великолепием превосходит все прочие европейские. Она строго наблюдает повиновение к себе и желает знать всё, что делается в её государстве; не забывает услуг, ей оказанных; но вместе с тем хорошо помнит и нанесённые ей оскорбления. Словом, я могу сказать, что она совершенная государыня, достойная долголетнего царствования.»

При всех лестных, хотя и с большой долей ехидства, словах испанского дипломата, государственными делами она почти не занималась – не было ни опыта, ни особого желания, потому переложила их на остзейских немцев – своего курляндского фаворита (в переводе на русский, любовника) малообразованного, ни слова не знавшего по-русски Э.Бирона, бывшего фаворита Екатерины I проходимца Р. Лёвенвольде и кабинет-министра, хитрого и изворотливого А.Остермана. Первые двое отличались казнокрадством «в особо крупных размерах», последние двое были пригреты ещё Петром I и все трое после смерти Анны были сосланы в Сибирь. Наибольшей властью и влиянием на императрицу обладал Бирон, задававший тон при дворе.

Под его покровительством и при активнейшем участии своих соплеменников, в том числе «военного министра» Миниха, тёмные личности из иностранцев занимали высокие должности в административном аппарате и в армии. Немцы имели преимущества при назначении на доходные должности и в продвижении по службе. Многие из них безнаказанно грабили казну. По образному выражению историка В.О. Ключевского, они *«посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облетели двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении»*. Они стояли даже во главе гвардии и во главе Академии наук. Всё русское подвергалось поруганию, осмеянию и унижению. Не случайно именно в это время «русские» академики Байер, Миллер, Штрубе и Шлёцер выдвинули и начали назойливо пропагандировать «норманскую теорию» происхождения Руси.

Эпоху Анны Иоанновны впоследствии назвали «бирановщиной», хотя столь же справедливо было бы назвать её «остермановщиной». Бирон больше занимался «кадровыми вопросами», в руках же кабинет-министра Остермана было много рычагов государственного управления, а учитывая, что в то время они были приятелями, то и действовали в полном согласии друг с другом. Остерман, в частности, отменил протекционистскую политику Петра I и снизил таможенные пошлины на импортные товары, что ударило по русским производителям и купцам и создало «режим наибольшего благоприятствования» для зарубежных соплеменников Остермана. Бирон же за большую взятку разрешил англичанам транзитную торговлю с Востоком через Россию, запретив этим заниматься русским купцам.

Со своими русскими противниками они расправлялись с помощью Канцелярии тайных дел, созданной сразу после воцарения Анны. По любому подозрению – неосторожному слову или неправильно понятому жесту люди попадали в застенки, в ссылку, а то и на плаху. Всего за 10 лет царствования Анны более 20 тыс. человек были сосланы в Сибирь и даже на Камчатку, более тысячи казнены. Царица обстановка страха, процветали доносы и шпионаж. Особо тяжёлое впечатление на общество произвели казни авторитетных государственных деятелей – кабинет-министра Волынского, князей Долгоруких и Голицыных.

Однако, как бы ни хотели временщики, но заменить всё русское дворянство немецким они не могли, и представительство русских людей в государственных учреждениях и в армии оставалось немалым. Да и в правящей верхушке русские не были «отморозками». Не могли временщики совсем не считаться и с русским общественным мнением. Поэтому политика эпохи бирановщины во многом продолжала прежнее направление.

В 1733 г. была организована «2-я Камчатская (по-иному, «Великая северная») экспедиция», результаты которой невозможно переоценить. В составе её было несколько отрядов во главе с офицерами, которые подробно описали и нанесли на карту почти всё арктическое побережье России и даже Камчатку, а В.Беринг и А.Чириков исследовали северную часть Тихого океана. Экспедиция, совпавшая по времени с «малым ледниковым периодом», проходила в невероятных тяжёлых климатических условиях, и работу ее участников иначе как подвигом назвать нельзя.

Экспедиция имела и огромное политическое значение: она заявила миру, что вся Сибирь – это принадлежность России.

Было создано первое в стране сухопутное военно-учебное заведение – Шляхетский кадетский корпус, в котором учились будущие офицеры. Ранее дворянские недоросли были обязаны начинать службу рядовыми в гвардейских полках и, дослужившись до сержанта, становились офицерами в армейских полках, т.е. получали не системное образование, а лишь практический опыт. Важно и другое. Организованная подготовка кадров русского офицерства позволила в дальнейшем отказаться от «импорта» дорогостоящих иностранных офицеров

Началось восстановление боеспособности военно-морского флота, ослабленного в предшествующий период. Возрождено кораблестроение в Архангельске, запрещённое Петром I с целью устранить конкурента Петербургу. Спустя время, архангельские верфи давали более 60% боевых кораблей России.

Пожизненный срок службы в армии был ограничен 25-ю годами, что давало хоть какую-то возможность солдатам после службы вернуться в семьи.

В 1735 – 39 гг. в коалиции с Австрией велась успешная война с Османской империей и Крымским ханством. Русские войска даже захватили крымскую столицу Бахчисарай, но плодами победы воспользоваться не удалось: союзница, потерпев ряд поражений от турок, заключила с ними сепаратный мир, и освободившиеся турецкие войска, имея подавляющее численное превосходство, двинулись на русских. Белградский мир не дал России ничего, кроме возвращения Азова, потерянного в 1711 г., и небольших территорий на Кубани, да демонстрации военной силы, которая на 20 лет остудила разбойничий пыл крымских татар.

Основывались новые города: Ставрополь-на-Волге (Тольятти), Оренбург, Челябинск, Барнаул и др. Продолжалось освоение Сибири. В 1731 г. к России добровольно, по просьбе хана, присоединился Младший казахский жуз (Зап. Казахстан), в 1738 г. на верность России присягнули старшины Среднего жуза во главе с ханом.

Каков же итог. Несмотря на бироновщину – одну из самых тёмных страниц отечественной истории, Россия продолжала развиваться и двигаться вперёд. И вовсе не немцы столкнули её в пропасть в 1917 годах (хотя поспособствовали своими «пломбированными» вагонами). И уж совсем не немцы столкнули её в пропасть в 1991 году и создали новую «бироновщину». В первый раз ценой огромных жертв и потерь страна сумела выбраться из пропасти и встать на свою дорогу. Хватит ли сил встать на свою дорогу во второй раз, знает только Господь.

Валерий Габрусенко